И 402/1304

ЭБ

2007066228

И 402/1304

Государственная ордена Ленина Библиотека СССР им. В. И. Ленина
60506-46

Забелин, Р. А.

РАЗВИТІЕ ЧУВСТВА ПАТРІОТИЗМА ВЪ ШКОЛѢ.

(По поводу статьи проф. Бреаля въ журн. Revue des deux Mondes: Le patriotisme dans l'enseignement).

Любовь къ отечеству также естественна и даже неизбѣжна, какъ любовь къ матери, какъ привязанность къ родной семьѣ, какъ влеченіе къ мѣсту родины. Кто не любитъ своей матери, хотя бы она была и бѣдна, и стара и некрасива? Кто не привязанъ къ своимъ роднымъ, не смотря на всѣ ихъ недостатки, все-таки болѣе чѣмъ къ чужимъ людямъ? Кто не чувствуетъ удовольствія при воспоминаніи, а тѣмъ болѣе при видѣ мѣста своего рожденія, какъ бы оно ни было бѣдно и некрасиво?

Причины всѣхъ этихъ явленій легко понятны. Съ одной стороны лучшіе, полные поэзіи годы жизни, дѣтство и юность, проведенные среди родной семьи подъ роднымъ кровомъ, навсегда оставляютъ въ душѣ самыя сладкія воспоминанія; съ другой—привычка къ извѣстнымъ лицамъ и мѣстамъ производятъ на нее неизгладимыя впечатлѣнія. Вотъ первоначальныя основанія нашей любви къ роднымъ людямъ и мѣстамъ. Еслиже къ этому присоединяется еще сознаніе, что наши родные и наша родина имѣютъ всѣ права на нашу любовь и уваженіе по своимъ качествамъ, если мы видимъ, что они не только дали намъ счастливое дѣтство, но и всю жизнь нашу сдѣлали счастливой; то наша любовь къ нимъ дѣлается безграничной и способной на всякія пожертвованія для ихъ благосостоянія. Вотъ эта то сознательная и въ тоже время безграничная любовь, готовая на всякія пожертвованія по отношенію къ отечеству, и называется патріотизмомъ.

Спб. 1878

Въ понятіе объ отечествѣ входятъ и понятіе о матери, и о родныхъ, и о мѣстѣ родины и сверхъ того понятіе о государственномъ организмѣ, членомъ котораго состоитъ каждый изъ насъ. Слѣдовательно любить отечество еще больше побужденій, чѣмъ любить свою мать, своихъ родныхъ, свою родину. Скажемъ болѣе — не любить свое отечество почти вовсе невозможно. Самый озлобленный человѣкъ, бросившій свое отечество навсегда, всетаки въ глубинѣ души, вопреки своей волѣ, носитъ тайную любовь къ своему родному краю. Какъ бы онъ ни старался ее подавить, это ему почти никогда не удается. Самыя ожесточенныя его выходки противъ своего отечества доказываютъ только его безсильныя старанія заглушить это чувство. Любовь къ отечеству рождается и растетъ вмѣстѣ съ нами, какъ одно изъ самыхъ естественныхъ чувствъ, какъ одна изъ самыхъ первыхъ потребностей. Не любить отечество — значитъ не имѣть лучшихъ воспоминаній и впечатлѣній жизни. Самыми развитыми людьми изгнаніе изъ отечества считается самымъ тяжкимъ наказаніемъ. Самые развитые люди дорожатъ, чтобы даже прахъ ихъ покоился въ родной землѣ.

Явленія новаго времени: добровольная експатріація временная или постоянная и космополитизмъ ни сколько не опровергаютъ нашего положенія. Бѣгутъ же дѣти и изъ роднаго дома, когда въ немъ жить дѣлается невыносимо отъ какой нибудь злой мачихи, или фаворитки, но чрезъ это не теряютъ любви къ родному очагу. Иногда всю жизнь скитаясь по чужимъ домамъ и ни разу не навѣстивши своего роднаго гнѣзда, они всетаки мыслію стремятся въ него. Мы не можемъ допустить мысли, чтобы живя на чужбинѣ всю жизнь, можно было хоть по временамъ не скучать по родинѣ, какъ бы тяжело въ ней прежде ни жилось и сколько бы горя и несчастій ни довелось въ ней испытать. Человѣкъ не можетъ по произволу вычеркнуть изъ своей души первые годы своей жизни, годы дѣтскихъ радостей и юношескихъ мечтаній. Къ счастію для человѣчества этому противится природа, которая не желаетъ чтобы люди, какъ животныя, бродили изъ одного мѣста въ другое, но желаетъ чтобы они жили въ обществѣ, помогая другъ другу.

Но можно любить отечество одною только инстиктивною, безсознательною любовью; можно любить отечество и не быть патріотомъ. Представимъ себѣ, что купецъ, всѣми неправдами нажившій капиталъ, жертвуетъ большія деньги на украшеніе храмовъ, устройство богадѣленъ, больницъ и на военныя надобности. Несомнѣнно, онъ любитъ свое отечество и не рѣдко готовъ поссориться съ тѣмъ, кто бы объ немъ сказалъ не хорошее слово. Но можно ли его назвать патріотомъ? Командиръ, обирающій солдатъ и не берегущій ихъ здоровья и жизни, есть ли истинный патріотъ, хотя бы онъ лѣзъ въ жерло непріятельскаго орудія? Интендантскій чиновникъ, отравляющій войска гнилыми припасами, какъ бы высоко не поднималъ голову предъ всякимъ иностранцемъ, восхваляя все свое родное, конечно неможетъ быть названъ патріотомъ. Вотъ писатель, который возноситъ свой народъ превыше всѣхъ и льститъ самымъ грубымъ его инстинктамъ. Можно ли его назвать патріотомъ? Вотъ проповѣдникъ, который, восхваляя доблести своего народа, разжигаетъ страсть къ войнѣ и ненависть къ врагамъ. Развѣ это патріотизмъ? Такихъ примѣровъ можно безъ всякихъ усилій найти множество. Но дѣло понятно и безъ того. Патріотизмъ есть любовь къ отечеству разумная и честная, готовая на всякія жертвы для его благосостоянія. Истинный патріотъ не будетъ обирать, обманывать и развращать свое отечество, но не будетъ и потворствовать ему въ томъ, что въ немъ есть безнравственнаго и безобразнаго. Обнажая безъ всякой жалости и порицая все достойное порицанія, истинный патріотъ въ тоже время будетъ скорбѣть душою объ этихъ нравственныхъ немощахъ своего отечества и будетъ готовъ во всякое время сдѣлать все, что только въ его силахъ, для ихъ уврачеванія. Истинный патріотъ, любя свой народъ и свое отечество, въ тоже время выше ихъ ставитъ идеи и интересы общечеловѣческіе, такъ какъ его отечество есть только частица всего человѣчества. Любя свое отечество онъ не будетъ проповѣдывать зависти, презрѣнія или вражды къ другимъ народамъ, которые или ушли впередъ, или отстали на пути преуспѣянія, или своими племенными чертами не похожи на тотъ народъ, къ которому онъ принадлежитъ. Напротивъ онъ будетъ проповѣдывать братство

народовъ, взаимную помощь и любовь, которую завѣщалъ намъ Божественный Учитель.

Много ли есть такихъ патріотовъ? Кажется отвѣтъ не затруднителенъ. Чѣмъ образованнѣе народъ, тѣмъ у него больше такихъ патріотовъ; чѣмъ невѣжественнѣе, тѣмъ меньше. Въ Англіи ихъ очень много, въ Турціи очень мало, а въ Персіи, пожалуй, нѣтъ ни одного, хотя и турки и персіяне горячо любятъ свое свѣтлое и теплое отечество.

Мы уже сказали выше, что чувство патріотизма развивается вмѣстѣ съ нами самымъ естественнымъ образомъ, вслѣдствіе всѣхъ впечатлѣній на насъ дѣйствующихъ. Но нельзя ли устранить впечатлѣнія неблагопріятныя и оставить одни благопріятныя — вотъ соблазнительная мысль для воспитателя! Сколько было для этого построено разныхъ системъ воспитанія! Въ послѣднее время Германія придумала для развитія чувства патріотизма свою систему и включила его въ число предметовъ обученія въ школахъ. Но развѣ въ ней мало было истинныхъ патріотовъ? Судя по высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія, на которой съ давнихъ поръ стоитъ Германія, и по тѣмъ успѣхамъ, которые она сдѣлала въ развитіи своего государственнаго и общественнаго быта, трудно допустить, чтобы въ ней мало было хорошихъ патріотовъ. Но оказывается, что войны Наполеона I, побѣдоносныя войска котораго посѣтили всѣ нѣмецкія столицы, жестоко уязвили нѣмецкое самолюбіе. И вотъ подъ унизительнымъ впечатлѣніемъ пораженій началъ развиваться политическій фанатизмъ сначала въ Пруссіи, а потомъ и во всей Германіи. Во время войны это явленіе очень естественное и почти неизбѣжное. Но войны кончились, народы успокоились, а нѣмецкая педагогія начала доискиваться, какая была причина побѣдъ французовъ и пораженій нѣмцевъ. Наука во Франціи была не выше, чѣмъ въ Германіи; благосостояніе также, а нравственность французовъ, по мнѣнію благочестивыхъ нѣмцевъ, была даже несравненно ниже. Французы съ конца 18 вѣка на весь свѣтъ прославились, какъ безбожники и анархисты. Думали, думали глубокомысленные нѣмцы и надумались, что причиной успѣховъ французовъ было необыкновенное развитіе у нихъ чувства патріотизма. Французъ не

иначе, какъ съ восторгомъ говоритъ о своемъ отечествѣ. Но этотъ восторгъ присущъ французу цѣлыя столѣтія и зависитъ больше отъ его темперамента, чѣмъ отъ сознанія всѣхъ благъ, которыя ему доставляетъ его *прекрасная Франція*. Правда, что во времена первой республики и имперіи государственный переворотъ, произведенный народомъ, также былъ не послѣднею причиною его восторженнаго настроенія. Новыя идеи, новые порядки удвоили жизнь и безъ того живаго народа, а военные успѣхи даже совершенно вскружили ему голову. Нѣмцы, видя это явленіе, задались мыслію и у себя развить такое же восторженное патріотическое настроеніе. Какъ люди, болѣе знакомые съ наукой, чѣмъ съ политической жизнью, они рѣшились развить въ народѣ патріотизмъ не чрезъ реформы государственнаго и общественнаго быта, которыя пробудили бы дремлющій въ рутинѣ народный духъ и усилили бы его любовь къ отечеству, но чрезъ обученіе молодаго поколѣнія въ школахъ. Который путь болѣе естественъ, легокъ и надеженъ въ этомъ дѣлѣ: привлеченіе ли народа къ участію въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, или развитіе патріотизма чрезъ школьное обученіе, теперь рѣшить еще трудно. Опытъ еще только что совершается на нашихъ глазахъ. По окончаніи войнъ съ Наполеономъ I, прусскій король за всѣ жертвы, принесенныя народомъ, обѣщалъ его вознаградить разными льготами и вольностями, но обѣщанія своего не исполнилъ. Только въ 1848 году пруссаки получили свободныя учрежденія. Развитіе же патріотизма чрезъ школу началось гораздо раньше. Результаты вышли, если судить по послѣднимъ событіямъ, самые блестящіе. Германія объединилась и стала во главѣ Европы; но чему приписать эти результаты: свободнымъ учрежденіямъ, или развитію патріотизма въ школѣ? Это еще пока остается открытымъ вопросомъ, на который безошибочно можетъ отвѣтить только будущее.

Замѣчательно, что въ то время, когда въ Германіи начали развивать патріотизмъ чрезъ школу, чтобы поднять народный духъ и сдѣлать невозможными новыя нашествія французовъ, а при случаѣ даже и отомстить имъ за свои пораженія, во Франціи, униженной и оскорбленной, патріотизмъ, безъ всякаго участія школы, не только не упалъ, но сдѣлался еще горячѣе и также обратился въ полити-

ческій фанатизмъ. Имя Наполеона I и его эпоха сдѣлались въ глазахъ французовъ чѣмъ-то священнымъ. Съ этого-то времени и развился во Франціи такъ называемый шовинизмъ, по имени какого-то яростнаго защитника наполеоновской эпохи. Шовинизмъ—это есть слѣпой и бѣшеный патріотизмъ, не сознающій своихъ недостатковъ и чужихъ достоинствъ. Французы за свое ослѣпленіе на свой счетъ и за свое пренебреженіе къ другимъ народамъ заплатили очень и очень дорого и теперь, одумавшись, принялись за изученіе своихъ сосѣдей, которые во-время заставили ихъ образумиться.

Послѣ войны 1870 года многіе ученые французы бросились въ Германію съ цѣлью изучить на мѣстѣ ея государственный и общественный бытъ. Явилось множество болѣе или менѣе безпристрастныхъ и интересныхъ сочиненій по этому предмету. Между прочими одинъ изъ профессоровъ college de France Мишель Бреаль предпринялъ въ 1873 году путешествіе въ Германію съ тою цѣлью, чтобы разсмотрѣть современную организацію народнаго образованія въ странѣ, которая изъ всѣхъ странъ Европы болѣе способствовала распространенію въ народѣ грамотности и при томъ часть своихъ успѣховъ въ послѣдней войнѣ съ французами приписывала своимъ школамъ. Бреаль былъ студентомъ берлинскаго университета въ 1858—59 годахъ и слѣдовательно былъ уже отчасти знакомъ съ Германіей, и, какъ видно, изъ отчета объ его путешествіи, напечатаннаго въ одной изъ книжекъ «Revue des deux Mondes» питалъ глубокое уваженіе къ ея умственному развитію. Тоже самое уваженіе онъ высказываетъ и теперь, но только теперь оно смѣшано съ грустью о происшедшихъ перемѣнахъ въ нравственномъ направленіи германской мысли.

Профессоръ Бреаль передаетъ множество интересныхъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ при посѣщеніи различныхъ прусскихъ школъ, которыя, кстати сказать, одновременно съ нимъ посѣщали многіе русскіе и американскіе педагоги. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ разсказовъ наблюдательнаго француза, относящіяся къ нашей цѣли.

Прежде всего Бреаль благодаритъ нѣмецкихъ педагоговъ за ихъ радушіе, съ которымъ они его вездѣ принимали и показывали все,

что только хотѣлось ему видѣть, не исключая даже черновыхъ ученическихъ сочиненій.

Бывши на урокѣ исторіи въ гимназіи Фридриха Вердера въ Берлинѣ, въ самомъ высшемъ классѣ (ober prima...) Бреаль нашелъ преподаваніе превосходнымъ и при этомъ замѣтилъ, что преподаватель, не смотря на свои слишкомъ 70 лѣтъ, человѣкъ съ большимъ огнемъ и весьма ловко умѣетъ идеализировать своего героя—Фридриха II, не церемонясь съ исторической истиной[1] и также искусно выставляетъ своимъ 60-ти молодымъ слушателямъ всѣ выгоды, которыя умѣла извлечь Германія не одинъ разъ въ разныя эпохи изъ ошибокъ, сдѣланныхъ французскимъ правительствомъ.

Въ учительской семинаріи въ Берлинѣ французскій ученый имѣлъ дозволеніе отъ директора читать ученическія сочиненія. Тема дана была слѣдующая: «Сраженія бывшія въ августѣ 1813 года». Его поразила точность въ описаніи стратегическихъ движеній. Позиціи корпусовъ: Удино, Макдональда, Вандама, а съ другой стороны арміи Бернадота, Блюхера, Шварценберга были указаны чрезвычайно точно. Очевидно, что географія Германіи вошла въ плоть и кровь нѣмца, равно какъ и тѣ столкновенія, которыя онъ имѣлъ съ французами. Кромѣ того въ этихъ ученическихъ сочиненіяхъ будущихъ народныхъ учителей видѣнъ большой энтузіазмъ по отношенію къ королю, къ полководцамъ, къ волонтерамъ, нѣкоторыя колкости направленныя въ наслѣдственнаго непріятеля и наконецъ приличная доля благоговѣнія къ Богу войны, который, какъ доказали событія, былъ на сторонѣ Пруссіи.

Въ женскомъ училищѣ Викторіи, недавно устроенномъ въ Берлинѣ, получаютъ образованіе около 600 приходящихъ дѣвицъ. Путешественникъ посѣтилъ классъ исторіи. Онъ съ восхищеніемъ отзывается объ умѣньи учителя сдѣлать урокъ интереснымъ и поучительнымъ для слушательницъ. Учитель пренебрегаетъ хронологіей, сокращаетъ число собственныхъ именъ, но за то старается живо нарисовать историческую личность и изъ ея приключеній извлечь если не нравственное правило, то практически полезный совѣтъ.

[1] Учитель безцеремонно увѣрялъ, что въ раздѣлѣ Польши Фридрихъ участвовалъ вопреки своему желанію, только чтобы не дать усилиться сосѣдямъ.

Изложеніе учителя болѣе походило на бесѣду съ дѣтьми образованнаго и сообщительнаго человѣка. Предъ глазами каждой ученицы лежитъ атласъ съ картами Германіи, соотвѣтствующими разнымъ эпохамъ ея исторіи. Нить историческаго разсказа привела къ крѣпости Торгау. «Ищите ее на картѣ», сказалъ учитель. И когда ученицы нашли, онъ прибавилъ: «это нашъ оплотъ съ востока (въ Силезіи). Мы его взяли и назадъ его не отдадимъ». (Между дѣвицами движеніе). На другомъ урокѣ, когда дошло дѣло до славянъ и ихъ первыхъ учрежденій среди Европы, учитель описалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Они пришли не съ оружіемъ въ рукахъ и потому они не имѣютъ эполетъ. Это народъ спокойный; онъ молчаливо, скрытно, незамѣтно расползался въ нашихъ владѣніяхъ, доколѣ наши предки не образумили его и не возвратили его живо во свояси. Это народъ лѣнивый: онъ умѣлъ только царапать землю концомъ сохи: мы научили его углублять сошникъ. Это народъ крѣпкоголовый, который любитъ колотушки: онъ не можетъ обойтись безъ господина, безъ царя». По лицамъ молодыхъ дѣвушекъ, жадно слушавшихъ учителя, видно было, что онѣ принимали эти впечатлѣнія на всю жизнь.

Послѣ класса учитель объяснилъ путешественнику, что дѣвочки имѣютъ тѣже способности, что и мальчики, и что нѣтъ нужды мѣнять методовъ преподаванія, что съ дѣвочками даже нужно быть строже, чѣмъ съ мальчиками: этимъ предстоитъ пройти дисциплину университета, или полка. Дѣвочка же оканчиваетъ свое образованіе здѣсь. По этому она должна хорошо узнать, что такое отечество и каковы обязанности каждаго по отношенію къ нему.

Изъ сказаннаго уже видно, что нѣмецкое обученіе беретъ себѣ въ помощники патріотизмъ. Но нѣмецкіе педагоги, хорошо знающіе духъ ребенка, стараются овладѣть имъ вполнѣ, дѣйствуя одновременно на всѣ его способности. Воображеніе въ юности есть господствующая способность; они стараются дѣйствовать и на него. Давно прошедшее изъ исторіи Германіи представляется въ цѣломъ рядѣ картинъ, которыя способны восхищать молодыя головы. Французы обыкновенно описываютъ первыя времена своей исторіи, какъ эпоху варварства и суевѣрій; соприкосновеніе римлянъ и грековъ

приноситъ высшую цивилизацію; христіанство распространяетъ высокія вѣрованія и чистую нравственность. У нѣмцевъ дѣло ведется не такъ. Время, когда германецъ свободно жилъ въ своихъ неизмѣримыхъ лѣсахъ и безраздѣльно предавался двумъ своимъ любимымъ занятіямъ — войнѣ и охотѣ, дѣтямъ представляется какъ эпоха непочатой силы и благородной независимости. Соприкосновеніе съ другими народами скорѣе испортило чистоту крови и уменьшило природную энергію. Если христіанство открыло для германскаго племени новую эру, то нельзя не пожалѣть, что оно заставило исчезнуть древнія германскія эпопеи, съ ихъ циклами боговъ и героевъ, которыя теперь приходится возстановлять съ большимъ трудомъ по немногимъ остаткамъ. Нѣмецкіе историки любятъ признаваться, что ни одно племя не было такъ способно для принятія христіанства, какъ племя Тевтонское: жиды, римляне, греки, когда они приняли новую религію, были уже народы истасканные. Но Богъ избралъ германцевъ, которыхъ способности были крѣпки и здоровы, чтобы сдѣлать ихъ по преимуществу носителями и двигателями христіанства. Они сообщили ему свою глубину чувства.

Такимъ образомъ передается молодымъ людямъ исторія Германіи, начиная съ первыхъ ея дней. Тацитъ доставляетъ главныя краски для картины. Храбрость, вѣрность данному обѣщанію, любовь къ правдѣ, уваженіе къ женщинамъ, гостепріимство, вотъ тѣ черты предковъ, которыми особенно хвалятся нѣмцы, и если жажда мщенія и добычи иногда сюда примѣшиваются, то молодежь заставляютъ удивляться страстности и смѣлости, которыя блещутъ даже въ этихъ недостаткахъ. Можно себѣ представить, какой энтузіазмъ вызываютъ въ живой молодежи эти изображенія гордой независимости. Каждый свободный человѣкъ жилъ въ своей оградѣ, какъ крѣпости; самымъ лучшимъ днемъ считался тотъ, когда отецъ при собраніи народа торжественно вручалъ молодому воину щитъ и дротикъ. Профессоръ Бреаль говоритъ, что онъ нашелъ выраженіе этихъ чувствъ даже въ сочиненіяхъ дѣвушекъ. «Послѣдняя война доказала, говоритъ одна изъ нихъ, что культура не изсушила еще корня доблестей нашихъ предковъ». Оды Клопштока, гдѣ прославляются древніе боги

Германіи и гдѣ ненависть противъ Рима разражается дикими криками, облекаютъ эти чувства въ поэтическія формы.

Въ томъ же духѣ, какъ началось, и продолжается преподаваніе исторіи. Учитель всячески старается сдѣлать его интереснымъ и направить мысль ребенка въ извѣстную сторону. Болѣе всего стараются заставить понять чувствованія какой нибудь великой эпохи, описать виды и предположенія знаменитой личности. Изложеніе клонится болѣе къ психологическому анализу, чѣмъ къ живописнымъ подробностямъ и оно совершенно не имѣетъ воззрѣній гуманитарныхъ. *Польза служитъ главнымъ критеріемъ для оцѣнки людей и ихъ дѣяній*

Чтобы ознакомить воспитанниковъ съ началомъ роднаго языка и литературы, въ высшихъ классахъ начинаютъ читать извлеченія изъ Ульфилы, Отфрита и особенно изъ поэмы: Нибелунги. Идея ввести эти произведенія въ классы является уже въ 18 столѣтіи. Еще Клопштокъ въ восторженныхъ стихахъ выражалъ желаніе, чтобы дѣти учились высокимъ подвигамъ у Зигфрида, вѣрности у Шримгильды. Но особенно со временъ Наполеоновскихъ войнъ распространяется идея сдѣлать противовѣсъ внѣшнимъ вліяніямъ, посредствомъ изученія древней народной литературы. «Такимъ образомъ, писалъ одинъ профессоръ въ 1810 году, изображеніе отечества будетъ постоянно поддерживаться въ чистомъ и свѣжемъ видѣ». Другой профессоръ говоритъ въ тоже самое время: «что Гомеръ для грековъ, Оссіянъ для жителей Сѣвера, то пѣсни Нибелунговъ должны быть для нѣмца,—книга, послѣ библіи, самая дорогая и лучшая, общее благо народа». Нибуръ въ 1812 г. требовалъ уже школьнаго изданія Ульфилы, короля Альфреда, Отфрита. «Надобно устроить въ университетѣ, говорилъ онъ, каѳедру, на которую слѣдуетъ посадить двухъ нераздѣльныхъ братьевъ Гриммъ». Въ настоящее время эти патріоты были бы довольны: древне-германскій языкъ изучается не только въ университетѣ, но и въ гимназіи, и въ реальной школѣ, и даже въ женскихъ училищахъ, хотя не вездѣ глубоко. но достаточно для того, чтобы въ разныхъ его видоизмѣненіяхъ увидѣть и полюбить свидѣтелей древнихъ временъ и признать себя больше уче-

никомъ, выучивающимся языку изъ употребленія, чѣмъ господиномъ, могущимъ управлять имъ по своему произволу. Нѣтъ нужды распространяться, какъ сильно способны поражать и восхищать духъ юношей фигуры Нибелунговъ, воспроизведенныя художественной кистью Каульбаха и распространяемыя въ народѣ въ видѣ гравюръ.

Для тѣхъ, кто не можетъ прямо приступить къ текстамъ этихъ народныхъ поэмъ, существуютъ переводы или подражанія въ прозѣ и стихахъ, которые, такъ сказать, молодятъ эти памятники старины. Эти изданія, сдѣланныя не рѣдко настоящими учеными и поэтами и продаваемыя по дешевой цѣнѣ, находятся въ рукахъ всей молодежи. Такимъ образомъ это прошедшее Германіи, которое до 18 вѣка было до того мертво, что первыя изданія нѣмецкихъ поэмъ были открытіемъ даже для ученаго міра, теперь сдѣлалось живымъ народнымъ достояніемъ.

Но опоэтизированное воспоминаніе о временахъ прошедшихъ не даетъ учителямъ забывать, что и настоящее требуетъ къ себѣ также вниманія. Въ странѣ, гдѣ школа беретъ быть поставщицей опредѣленныхъ понятій о великихъ обязанностяхъ жизни, политика не можетъ быть всецѣло изгнана изъ уроковъ; здѣсь стараются болѣе всего внушить уваженіе къ государству, показать что оно не есть результатъ доброй воли людей, но продуктъ исторіи, который стоитъ выше споровъ, организмъ, который имѣетъ свою цѣль и свои особенные законы и что люди настоящаго дня, если бы онъ разрушился, были бы не способны его возстановить. «Надобно, говоритъ профессоръ Пальмеръ,[1] чтобы народъ въ самыхъ низшихъ слояхъ потерялъ привычку видѣть въ органахъ законодательной и исполнительной власти государя, который употребляетъ свою власть для тѣхъ же цѣлей, для которыхъ употребляли бы ее крестьянинъ и работникъ, если бы она какимъ нибудь образомъ имъ досталась». Государство, по этому понятію, не есть сумма индивидуумовъ; напротивъ индивидуумъ безъ государства былъ бы ничто. Не только царская династія освобождается отъ непостоянства мнѣній, но благодѣяніе историческаго преданія распространяется въ нѣкоторомъ отно-

[1] Директоръ въ Виртембергѣ.

шенін и на правящіе классы. Тотъ же писатель Пальмеръ продолжаетъ: «не случай опредѣляетъ, кто долженъ быть правителемъ или поддапнымъ; иначе нахальный и честолюбивый человѣкъ могъ бы ежедневно достигать власти, тогда какъ человѣкъ безкорыстный ли скромный былъ бы вѣчно обреченъ ей подчиняться. Въ каждомъ народѣ есть извѣстная часть, которую политическій смыслъ и образованіе призываютъ естественнымъ образомъ къ управленію государствомъ внутри и къ представительству во внѣ. Всегда окажется достаточно случаевъ для каждаго пользоваться властью въ качествѣ избирателя, присяжнаго, отца семейства. Отъ вершинъ до основанія общественной лѣстницы пусть всякій движется въ своемъ кругу, уважая законы освященные временемъ, касающіеся того, что выше и ниже его. Если прогрессъ со дня на день уменьшаетъ разстояніе между разными классами, то пусть это служитъ еще большимъ поводомъ къ тому, чтобы гражданинъ отдавалъ власти не только свое повиновеніе, свое довѣріе, но и свою привязанность. Дурной признакъ, когда всякій вмѣшивается во все и когда народъ довѣряетъ только кабачнымъ ораторамъ. Напротивъ, счастливы страны, которымъ Богъ даетъ добраго государя! Если онъ обладаетъ чувствомъ своихъ обязанностей и окружаетъ себя лучшими людьми, то онъ будетъ поистинѣ душою и сердцемъ страны; народъ возлюбитъ въ немъ вождя государства и, чрезъ отраженіе на немъ лучей христіанства и поэзіи помазанника Божія, — земное изображеніе Божественнаго величія».

Французъ признается, что онъ съ умысломъ воспроизвелъ это мѣсто, которое даетъ довольно вѣрное понятіе о тонѣ, обыкновенно принимаемомъ оффиціальной педагогикой, которая домогается пропитать воспитанника историческимъ духомъ.

Авторъ не берется обсуждать, на сколько тутъ есть истины и лжи, но ограничивается двумя замѣчаніями. Первое, что образованіе подобнаго рода предполагаетъ малоразвитую политическую жизнь и извѣстное однообразіе въ чувствахъ народныхъ массъ: иначе такое обученіе подверглось бы опасности, вызывая противорѣчіе у воспитанника или у родителей, достигнуть совершенно противуположной цѣли. Второе, нужно чтобы между дѣйствительностью фактовъ и

идеальною картиной, которую рисуютъ ребенку, не было слишкомъ очевидной розни: иначе подобное представленіе власти, вопреки намѣренію наставниковъ, могло бы принять видъ ироніи и сатиры.

Когда идетъ рѣчь о внѣшнихъ дѣлахъ, нѣмецкіе педагоги точно также заботятся заинтересовать и направить воспитанника. Вотъ отрывокъ, который былъ написанъ въ 1867 году, повидимому, по поводу войны съ Даніей. «Если затѣялось какое нибудь великое предпріятіе, если напр. арміи вступили въ войну, чтобы образумить дерзкаго врага, или чтобы исхитить у варварства какое нибудь родственное племя, учитель сдѣлаетъ очень хорошо, если будетъ сообщать дѣтямъ новости болѣе важныя, по мѣрѣ ихъ пониманія. Онъ имъ будетъ показывать на картѣ движеніе арміи, поля битвъ, онъ имъ будетъ внушать глубокое отвращеніе къ дипломатическимъ протоколамъ, которые портятъ то, что устроиваетъ сабля солдата».

Когда дѣло касается Франціи, которая у нѣмцевъ считается наслѣдственнымъ врагомъ, то представляется такое обиліе обвинительныхъ упрековъ, что трудно даже и выбирать. Бреаль указываетъ одинъ отрывокъ, который съ похвалою приводится въ Энциклопедіи Шмида (Т. 11, стр. 708) и гдѣ злоба противъ Франціи выражается библейскимъ языкомъ. Онъ извлеченъ изъ программы магдебургской коллегіи на 1856 г Нѣмецкій педагогъ жалуется, что мало обращаютъ вниманія на развитіе патріотизма въ молодыхъ людяхъ, хотя бы это было насчетъ другихъ наукъ. «Надобно при помощи національной исторіи и географіи насаждать патріотизмъ въ юношескихъ душахъ. Пусть умѣньшится логика, развиваемая посредствомъ преподаванія математики, если мы не имѣемъ времени показать справедливость и долготерпѣніе Бога, поставившаго около насъ на-сторожѣ западнаго сосѣда, котораго онъ сдѣлалъ бичемъ для Германіи, какъ нѣкогда хананеянъ бичемъ для дѣтей израиля, если мы не имѣемъ времени слячить прежнюю нашу границу съ нынѣшней и потрясти молодыя души страшнымъ наказаніемъ Бога, который отдалъ Эльзасъ въ руки Гвельфовъ, чтобы предостеречь и наказать Германію». Такія тирады не рѣдко попадались въ нѣмецкой прессѣ во время послѣдней войны и очевидно онѣ были только повтореніемъ того, что внушалось въ школѣ.

Совершенно противно философіи 18 вѣка, который любитъ устранять все внѣшнее и случайное, какъ напр. отечество и племя, чтобы сыскать человѣка подъ разными типами и чтобы воспитать его въ общечеловѣческихъ идеяхъ, нѣмецкая педагогія останавливается съ замѣтнымъ самодовольствомъ на разностяхъ племени и страны, которыя она разсматриваетъ, не какъ обстоятельства случайныя, но какъ настолько важныя, что они служатъ закономъ для человѣка и должны опредѣлять его жизнь. «Надобно, писалъ профессоръ Тило, (директоръ семинаріи для общественныхъ берлинскихъ школъ, авторъ множества сочиненій, ум. въ февралѣ 1870 г.) возбудить въ ребенкѣ сознательное удовольствіе принадлежать къ германскому народу, а не къ какому нибудь другому. Онъ долженъ ставить свое счастіе въ идеѣ жить по образцу своихъ благородныхъ предковъ. Онъ долженъ поставить себѣ цѣлью, чтобы не вырождалось племя, которое утвердило свое право предъ Богомъ и предъ свѣтомъ». Въ этой тяжеловатой фразеологіи проглядываетъ подчиненіе индивидуума виду, и вида извѣстнымъ традиціоннымъ формамъ, между которыми языкъ на первомъ планѣ. Тогда какъ философія 18 вѣка заключала о равенствѣ всѣхъ людей, новѣйшая нѣмецкая философія старается доказать ихъ неравенство. Не всѣ племена равны предъ Богомъ и въ исторіи, такъ что не всѣ имѣютъ право подчинять себѣ человѣческую личность. Любопытно, что это чувство проходитъ даже въ тѣ области, гдѣ авторъ дѣлаетъ уступки понятію о равенствѣ. «Народъ, говоритъ онъ, имѣетъ право на гарантію своей самобытности: proprium est carum даже для поляковъ».

Необходимо указать на одну странность въ нѣмецкой публицистикѣ. «Одна изъ характерныхъ національныхъ особенностей, говорится во многихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ и почти ежедневно въ текущей прессѣ, есть крайнее безпристрастіе германскаго народа, съ которымъ онъ оцѣниваетъ другіе народы: это безпристрастіе доходитъ до того, что дѣлаетъ его несправедливымъ къ себѣ самому и заставляетъ забывать свои собственныя заслуги. Какъ персы, по свидѣтельству Геродота, нѣмцы легко усвоиваютъ иностранныя идеи и обычаи и не одинъ разъ они отказывались отъ природныхъ добродѣтелей въ пользу иностранныхъ модъ и пороковъ». Настоящая

организація обученія въ школахъ имѣетъ цѣлью бороться съ этимъ недостаткомъ самостоятельности. Когда школа Викторіи была проэктирована, то третій мотивъ выставленный школьнымъ начальствомъ предъ городскимъ совѣтомъ Берлина былъ основанъ на слѣдующемъ рядѣ идей: «возбудить сознаніе національности, дать почувствовать ея цѣну и значеніе, показать дѣвицамъ въ языкѣ и литературѣ Германіи самые важные элементы для истинной женской культуры, и чрезъ то предохранить ихъ отъ иностраннаго вліянія, пагубнаго для національнаго развитія». Эта идея, что не нужно только довольствоваться любовью ко всему германскому, но что надо стараться сдѣлать для молодыхъ умовъ отвратительнымъ все иностранное, часто повторяется въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ. Отсюда извѣстная наклонность чернить все чужое,—наклонность, которая находится въ противорѣчіи съ только что упомянутой быстрой перемчивостью.

Французъ путешественникъ говоритъ, что на урокахъ Франція изображается весьма непривлекательными чертами, но въ утѣшеніе французовъ надо сказать, что не она одна подвергается дурному съ собой обращенію. Есть много способовъ искажать истину: противъ Франціи обыкновенно употребляютъ фигуру умолчанія о тѣхъ фактахъ, которыя могли бы ей сдѣлать честь, и ложно толкуютъ остальные. Когда напр. дѣло идетъ о томъ, чтобы прославить французовъ вѣчными врагами мира, то говорятъ, что честолюбіе было двигателемъ всѣхъ событій ихъ исторіи. Профессоръ Бреаль присутствовалъ въ одной изъ ремесленныхъ школъ Берлина на урокѣ о причинахъ французской революціи. Учитель въ числѣ главныхъ причинъ выставлялъ недовольство арміи и особенно офицеровъ, раздраженныхъ тѣмъ, что Франція не выказывала болѣе въ Европѣ того главенства, которое было при Людовикѣ XIV.

Профессоръ лейпцигскаго университета Фохтъ на своей лекціи слѣдующимъ образомъ описывалъ событія, происшедшія во Франціи между 10 августа 1792 г. и смертью Людовика XVI. Съ большимъ искуствомъ онъ обрисовывалъ партіи, дѣлалъ біографіи вождей; но впечатлѣніе, которое отсюда могло произойти и которое должны были воспріять 300 молодыхъ людей, предъ которыми онъ говорилъ, могло быть только—поголовное и равное презрѣніе ко всѣмъ личностямъ

этой эпохи. Событія не имѣли даже того вида величія, которое имъ даютъ важность результатовъ, обширность сцены дѣйствія, трагическій характеръ борьбы. Со стороны двора не было ничего кромѣ эгоизма и ослѣпленія, со стороны жирондистовъ—только честолюбіе и слабость, со стороны якобинцевъ—только разнузданность и жестокость. Только Людовикъ XVI получилъ одно слово сочувствія и то потому, что онъ долженъ былъ умереть. И въ самой Франціи есть партіи, обвиняющія французскую революцію. Но нѣмецкій профессоръ соединилъ ихъ всѣ, такъ что слушая его въ одно и тоже время можно его принять и за роялиста, говорящаго о крайней демократической партіи, и за демократа, дающаго свободу своимъ жалобамъ на прежнее правительство.

Обученіе исторіи въ нѣмецкихъ школахъ обыкновенно продолжается до новѣйшихъ временъ. Когда министръ Дюрюи ввелъ обученіе современной исторіи въ программу класса философіи французскихъ лицеевъ — вся печать подняла крикъ: ревнивость различныхъ партій испугалась, чтобы это ученіе не обратилось исключительно въ пользу одной изъ нихъ. Въ Германіи, не только въ высшихъ классахъ училищъ, но и въ низшихъ, не только въ классической школѣ и въ реальномъ училищѣ, но и въ институтахъ для молодыхъ дѣвушекъ и въ первоначальной школѣ, новѣйшую исторію преподаютъ до 1815 года. Въ Берлинѣ, въ королевскомъ французскомъ училищѣ [1] учатъ въ «высшемъ третьемъ» (нашемъ четвертомъ) исторіи прусской монархіи до 1866 года. Множество историческихъ учебниковъ, при каждомъ новомъ выпускѣ, продолжаютъ свое историческое повѣствованіе до самаго года ихъ изданія. Въ 1873 г. профессоръ Бреаль перелистывалъ книги, составленныя для учениковъ, въ которыхъ встрѣчались имена: Оливье, Тьера, Жюль Фавра, Гамбетты, Макъ-Магона, Бурбаки, Шанзи, Базена, Блапки, Рошфора. Одна черта въ этихъ учебникахъ особенно поразительна. Въ нихъ нашли себѣ мѣсто[2] обвиненія, направленныя противъ

[1] Основано курфюрстомъ Фридрихомъ III въ 1689 г., гдѣ уроки преподаются по-французски.

[2] Напр. см. Kohlrausch — Kurze Darstellung der deutschen Geschichte II изд. стр. 293.

Франціи въ самое горячее время борьбы 1870 года. Такъ какъ въ этихъ книгахъ не прибавлено, что за всѣ обиды и убытки, причиненные Франціей, Германія уже получила полное удовлетвореніе, то озлобленіе переживаетъ месть и переходитъ къ слѣдующимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ злопамятность можетъ увеличиться вмѣстѣ съ образованіемъ. Послѣ того нечему удивляться, что въ 1870 г. можно было встрѣтить людей, желающихъ отметить за униженія рейнской конфедераціи или за грабительство Даву въ Гамбургѣ.

Чтеніе подобныхъ книгъ, предназначающихся для дѣтей, производитъ очень тяжелое впечатлѣніе. Обыкновеніе же авторовъ пересыпать разсказъ французскими цитатами, буквально переводимыми, съ явнымъ намѣреніемъ попропизировать, — дѣлаетъ чтеніе это еще болѣе непріятнымъ. Авторамъ повидимому хочется привести своихъ читателей къ убѣжденію, что чувства и понятія германскаго народа отличаются чѣмъ то особеннымъ отъ чувствъ и понятій остальныхъ націй. Писатель на одной и той же страницѣ во французахъ осуждаетъ стремленіе къ «славѣ», жажду «возмездія», и въ тоже время говоритъ о «Ruhm der deutschen Waffen», т. е. о славѣ германской арміи, и о gerechte Vergeltung, т. е. о справедливомъ возмездіи, о которомъ позаботились нѣмцы. Нѣмецкіе писатели въ своихъ серьезныхъ произведеніяхъ охотно помѣщаютъ дрязги и клеветы, сочиняемыя французской прессой противъ своихъ домашнихъ политическихъ противниковъ. Въ одной изъ такихъ книгъ, гдѣ перечислено множество современныхъ французскихъ дѣятелей, одному только французу досталось слово уваженія, достоинства и добродѣтели котораго восторжествовали надъ подобнаго рода злопамятностью: это Фердинандъ де-Лессепсъ.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, нѣмецкіе педагоги стараются вооружить ученика не только для жизненной борьбы, но и для борьбы исторической, между различными расами и національностями. Этотъ родъ преподаванія такъ глубоко вкоренился въ германскіе нравы, что тамъ представляютъ себѣ и французскія школы устроенными по той же мѣркѣ.

«Мы не искажаемъ исторіи и географіи, говоритъ профессоръ Пальмеръ, какъ это дѣлаютъ по ту сторону Рейна, гдѣ каждому

ребенку великой націи стараются внушить какъ священный догматъ, какъ волю Божію, что Рейнъ есть природная граница Франціи.[1] Тѣ, которые такъ говорятъ, мало знаютъ первоначальное образованіе во Франціи, доведенное до самыхъ ограниченныхъ размѣровъ, и въ которомъ до 1867 года исторія Франціи не была между обязательными предметами. Въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ между причинами, вызвавшими войну 1870 года нѣмцы ставятъ «желаніе французовъ обладать естественными границами, поддерживаемое народнымъ образованіемъ даже въ сельскихъ школахъ». Это же самое обвиненіе стоитъ и въ прокламаціяхъ прусскаго главнаго штаба. Такъ какъ эти понятія передаются всѣмъ дѣтямъ, мальчикамъ и дѣвочкамъ и вкореняются въ самые первые годы дѣтства, то и западаютъ глубоко въ воспріимчивый дѣтскій умъ.

Какъ ни дѣйствительны могутъ казаться мѣры подобнаго рода; но этимъ не довольствуются. 8-го октября 1873 г. въ Берлинѣ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, собралась конференція, на которую, вмѣстѣ съ нѣсколькими посторонними лицами, были созваны славнѣйшіе и важнѣйшіе представители прусской педагогики. Между вопросами подлежавшими обсужденіямъ находился слѣдующій; «недавно сдѣланъ былъ общественнымъ школамъ упрекъ, что онѣ не довольно заботятся о томъ, чтобы питать въ ученикахъ сознаніе ихъ германской національности. Что можно прибавить къ тому, что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи»?

Докладчикъ докторъ Ягеръ (директоръ гимназіи въ Кельнѣ) вспоминаетъ, что до событій 1866 и 1870 годовъ, существовалъ дуализмъ между чувствомъ государства прусскаго и сознаніемъ народности нѣмецкой. Иногда это послѣднее было разсматриваемо съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Теперь когда дуализмъ прекратился, можно одновременно питать оба чувства у молодежи. Въ старыхъ провинціяхъ, можно исходить отъ чувства государства прусскаго, чтобы усилить сознаніе нѣмецкой народности, а въ провинціяхъ вновь присоединенныхъ, можно обращаться къ сознанію нѣмецкой народности, чтобы возбудить чувство государства прусскаго».

[1] Энциклопедія Шмида, т. VI, стр. 109.

«Для того, чтобы питать ту и другую силу въ юношествѣ, въ распоряженіи школы находятся два способа: съ одной стороны обученіе, съ другой—вся школьная жизнь съ ея правилами и распорядками».

«Въ этомъ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ заботиться, чтобы классные залы и библіотека были украшены картинами изъ народнаго быта, таблицами несящими имена учениковъ, умершихъ за отечество... Это слѣдуетъ только предлагать, но не приказывать, потому что на этой почвѣ необходимо остерегаться всего, что можетъ сдѣлаться искуственнымъ. Тоже самое можно сказать и о школьныхъ праздникахъ. Обыкновенно ихъ существуютъ два: годовщина дня рожденія короля и торжественный разъѣздъ учениковъ, оставляющихъ заведеніе, такъ какъ третій праздникъ, день седанскаго сраженія, еще только устанавливается».

«Въ особенности должно уважать годовщину рожденія короля и седанскій праздникъ. Прибавлять что нибудь къ празднику короля нѣтъ необходимости: этотъ праздникъ, собирающій весь народъ вокругъ особы властелина, долженъ имѣть характеръ серьезный, торжественный и даже (если можно такъ выразиться) оффиціальный; въ прусскихъ школахъ, онъ будетъ кромѣ того имѣть прусскій характеръ. Совсѣмъ другое дѣло седанскій праздникъ, который все болѣе и болѣе стремится сдѣлаться національнымъ нѣмецкимъ праздникомъ. Этотъ день долженъ имѣть для школы характеръ народнаго торжества; его должны праздновать не рѣчами, а пѣснями, прогулками, гимнастическими упражненіями и различными играми».

Докладчикъ говоритъ, что изъ всѣхъ отраслей образованія *пѣніе, нѣмецкій языкъ и исторія* пригоднѣе всего въ дѣлѣ воспитанія народнаго сознанія.

Въ курсѣ гимназическаго образованія, исторія Германіи встрѣчается два раза: одинъ разъ въ пятомъ и четвертомъ классахъ и другой въ первомъ Докладчикъ предлагаетъ продолжать нѣмецкую исторію въ четвертомъ классѣ до 1870 года; въ противномъ случаѣ ученикъ не пойметъ настоящаго политическаго положенія дѣлъ въ Германіи. Это будетъ также случай дать понятіе дѣтямъ, по

мѣрѣ ихъ развитія, въ чемъ будутъ состоять ихъ обязанности, какъ граждане. Тѣмъ болѣе въ первомъ классѣ необходимо довести исторію до 1870 года, даже если для этого нужно будетъ съузить пространство, назначенное для другихъ, менѣе занимательныхъ эпохъ.

«Эти соображенія, говоритъ протоколъ засѣданія, встрѣтили почти всеобщее одобреніе. Докторъ Рейхеншпергеръ (совѣтникъ при апелляціонномъ судѣ въ Кельнѣ) требуетъ чтобы больше обращали вниманія на искусство въ Германіи; школа сдѣлала ошибку, поставивши идеалъ древнихъ временъ прежде новѣйшаго христіанскаго идеала. Достойно сожалѣнія усиленіе господства романизма въ искусствѣ; тѣ, которые въ другихъ случаяхъ, могутъ назваться самыми горячими противниками римскаго вліянія, дѣлаются именно преступными въ допущеніи романизма въ искусство; къ тому же еще они покровительствуютъ не истинному природному, но выродившемуся романизму».

Тому, кто захочетъ понять все могущество этой организаціи народнаго образованія въ Германіи стоитъ только бросить взглядъ на прусскіе законы. Законъ 1795 г. и до сихъ поръ имѣющій силу (2 часть глав. 11, §§ 3 и 4) говоритъ слѣд.: «желающій открыть частное учебное заведеніе или пансіонъ, долженъ доказать свои способности къ этому дѣлу предъ учебнымъ начальствомъ и представить ему на разсмотрѣніе свой планъ обученія и воспитанія. Частныя заведенія находятся подъ надзоромъ властей, которыя слѣдятъ за направленіемъ нравственнаго и физическаго воспитанія, и за способами преподаванія». Рескриптъ 1840 года говоритъ (§ I): «частныя учебныя заведенія и школы должны быть допущены и терпимы только тамъ, гдѣ онѣ необходимы, слѣдовательно только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ публичныхъ школъ недостаточно для образованія юношества». Тотъ же самый рескриптъ въ § 7 говоритъ: «всѣ школы и частныя заведенія, равно какъ и публичныя школы того же рода подлежатъ надзору школьныхъ властей. Этотъ надзоръ не долженъ ограничиваться общими правилами, которыми обыкновенно руководились въ подобныхъ случаяхъ, т. е. наблюденіемъ за выдержкой дисциплины и за ходомъ ученія; но въ частности долженъ быть направленъ на

расположеніе плана занятій, на выборъ наставниковъ, книгъ и школьныхъ пособій, на методъ обученія, на внутреннее благоустройство, на число учениковъ и даже на устройство самаго зданія подъ заведеніе. Если въ какомъ нибудь заведеніи найдены будутъ ошибки и злоупотребленія, могущія компрометировать воспитаніе юношества, или угрожать опасностью его нравственности и религіознымъ убѣжденіямъ, если съ нимъ небрежно занимаются или довѣряютъ его образованіе неспособнымъ и дурнымъ учителямъ, и если даже послѣ предостереженія не будетъ принято никакихъ мѣръ исправленія, мѣстное школьное начальство должно возбудить слѣдствіе и передать дѣло на разсмотрѣніе мѣстной администраціи, которая имѣетъ право закрыть учебное заведеніе». Не менѣе строгія распоряженія приняты относительно учителей, дающихъ частные уроки въ домахъ: они должны имѣть на это позволеніе и быть подчинены кромѣ обыкновеннаго полицейскаго надзора еще контролю учебнаго вѣдомства (§ 23). Наконецъ по требованію мѣстныхъ властей, школьныхъ или полицейскихъ, родители и опекуны, дѣти и питомцы которыхъ не обучаются въ публичныхъ школахъ, обязаны увѣдомить, какимъ образомъ они ихъ воспитываютъ и обучаютъ (§ 24).

Французское законодательство существенно отличается отъ нѣмецкаго. Законъ 15 марта 1850 года признаетъ два рода первоначальныхъ и среднихъ школъ: «1) школы основанныя и содержимыя на счетъ обществъ, департаментовъ или государства, которыя носятъ названіе публичныхъ школъ; 2) школы основанныя и содержимыя частными лицами или компаніями, которыя носятъ названіе частныхъ или вольныхъ школъ. Надзоръ за публичными школами производится сообразно съ правилами утвержденными верховнымъ совѣтомъ. Надзоръ же за вольными школами направленъ на нравственность и гигіеническія условія учащихся. Онъ можетъ простираться и до обученія, но только для того, чтобы удостовѣриться, что оно не противно нравственности, конституціи и законамъ.

Очевидно, что вліяніе, которое государство имѣетъ на народное образованіе, сильнѣе и дѣйствительнѣе въ Германіи, чѣмъ во Франціи. Оно простирается не только на школы содержимыя на общественныя деньги, но и на заведенія, составляющія собственность какой

нибудь корпораціи или частнаго лица и не останавливается даже предъ домашнимъ очагомъ. Контроль за частными учебными заведеніями не ограничивается тѣмъ, удобны-ли въ гигіеническомъ отношеніи училищныя помѣщенія и существуетъ-ли въ нихъ религіозный отдѣлъ преподаванія, но простирается до распредѣленія уроковъ и до основъ обученія. Германское правительство уже пользуется значительнымъ вліяніемъ на среднія учебныя заведенія, давая или отказывая имъ въ правѣ выдачи аттестатовъ зрѣлости, но этого недостаточно: государство посылаетъ своихъ инспекторовъ въ частныя школы и училища, чтобы узнать какіе языки употребляютъ въ классахъ, какія книги даны въ руки ученикамъ, сколько часовъ назначено на разныя занятія. Если прибавить къ этому то обстоятельство, что даже родители при существованіи школъ не имѣютъ права держать дѣтей дома, (если только не имѣютъ учителя пользующагося дозволеніемъ правительства), то будетъ ясно видно все могущество, которое нѣмецкій законъ предоставляетъ своему государству.

Эти распоряженія изобрѣтены не для того, чтобы надоѣдать обществу: законодатель хотѣлъ болѣе всего обезпечить государству право поддерживать и возвышать уровень наукъ. До тѣхъ поръ пока въ Германіи былъ одинаковый нравственный уровень, пока законъ дѣйствовалъ на благопріятной для него почвѣ, пока изъ него дѣлали умѣренное и снисходительное употребленіе, до тѣхъ поръ на него смотрѣли какъ на благодѣяніе. Всѣ двери растворялись предъ оффиціальными инспекторами, и совѣты и мнѣнія ихъ были выслушиваемы съ уваженіемъ. Здѣсь мы имѣетъ наглядный примѣръ того, какъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ человѣческія учрежденія могутъ уклониться отъ прямаго своего назначенія. Распоряженія, которыя съ 1794 до 1866 года не возбуждали ни какихъ жалобъ противъ себя, вдругъ сдѣлались притѣснительными. Въ Польшѣ, въ Шлезвигѣ, въ Эльзасъ-Лотарингіи вдругъ увидѣли, что государство недовольно мѣстнымъ языкомъ обученія, распредѣленіемъ учебныхъ часовъ, тенденціозностью директоровъ и учителей; таже война вспыхнула по поводу школьныхъ программъ и постановленій.

Патріотическій и политическій характеръ, усвоенный нѣмецкимъ обученіемъ, усложнилъ затрудненія. Еслибы учителя огра-

ничивались передачею познаній и чувствованій, составляющихъ общее наслѣдство всего человѣчества, то не встрѣчали бы никакого особеннаго противодѣйствія. Но они хотятъ для пользы государства завладѣть воображеніемъ и наклонностями ребенка. Дѣлаясь орудіемъ завоеванія и ассимиляціи, школа возбуждаетъ вокругъ себя страсти свойственныя борьбѣ; она ничего не можетъ выносить вблизи себя. Этотъ духъ исключительности началъ уже проявляться въ 1866 году. «Облатинивающая школа іезуитовъ, писалъ Тило, офранцуживающій институтъ для такъ называемаго хорошаго общества дѣлаются у насъ въ Германіи такими безчестящими и нелѣпыми учрежденіями, какими были бы конскіе заводы, назначенные для разведенія клячъ въ странѣ, производящей хорошихъ и породистыхъ лошадей».

Если французскій ученый безпристрастно изображаетъ нѣмецкую дѣйствительность, то не трудно вывести заключеніе, что развитіе патріотизма чрезъ обученіе, при всѣхъ достоинствахъ системы, въ Германіи доходитъ до крайностей; крайности же въ концѣ концовъ хорошихъ результатовъ обыкновенно не приносятъ. При такомъ упорномъ и систематическомъ направленіи юношества въ одну сторону въ немъ можетъ развиться или политическій фанатизмъ, самый близорукій и вредный для отечества, или наоборотъ недовѣріе и противодѣйствіе. У молодежи мѣсто опыта и анализа замѣняетъ инстинктъ, вѣрно указывающій все поддѣльное, искусственное, фальшивое. Но наступитъ время, когда молодой человѣкъ начнетъ жить своимъ умомъ, а не умомъ своего учителя. Что если онъ найдетъ неискренность и ложь въ томъ направленіи идей, которое ему старались дать? Что если онъ дѣйствительность найдетъ несоотвѣтствующей тѣмъ картинамъ, въ которыхъ ее представляли, будетъ ли это дѣйствительность прошлаго или настоящаго? Прошлая и настоящая жизнь всѣхъ народовъ представляетъ и свѣтлыя и темныя стороны. Лучше изображать ее ребенку такъ, какъ она есть и была на самомъ дѣлѣ, чѣмъ украшенной цвѣтами или прикрытой листкомъ стыдливости. Лучше высказать непріятную правду, или совершенно умолчать о фактѣ, соблазнительномъ для молодаго неокрѣпшаго ума, чѣмъ говорить благонамѣренную ложь. Для отечества *нужны честные люди*, чѣмъ односторонніе патріоты. Человѣческія общества *зиждутся на правдѣ*

и только тѣ изъ нихъ дѣйствительно крѣпки, которыя построены на этомъ основаніи. Припомнимъ убѣдительный примѣръ изъ ветхозавѣтной исторіи, когда Богъ хотѣлъ разрушить порочные города: Содомъ и Гомору, что онъ говорилъ Аврааму? Если найдутся десять праведниковъ, онъ обѣщалъ пощадить эти города. Вѣроятно въ нихъ были самые горячіе патріоты и можетъ быть даже страшные шовинисты. Но это не спасло ихъ отъ погибели; въ нихъ не было *правды:* все изолгалось и развратилось.

Въ послѣднее время сильно распространена мысль, что кто имѣетъ въ своихъ рукахъ школу, тотъ держитъ въ нихъ судьбу будущихъ поколѣній. Мысль эта не новая: она была давно въ ходу не только въ ученой Германіи, но даже и у насъ. Еще Екатерина Вторая мечтала создать новое поколѣніе людей чрезъ воспитаніе. Насколько осуществилась эта мечта, мы очень хорошо знаемъ; ибо наши нравы и понятія съ того времени не очень далеко ушли впередъ. А между тѣмъ для перерожденія насъ употреблено было много средствъ самыхъ энергическихъ. Что можно, напр. придумать болѣе сильное для перерожденія общества, какъ не изъятіе дѣтей изъ среды семьи для воспитанія ихъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ? Много ли принесла пользы и эта крайняя мѣра? Къ сожалѣнію, самые благонамѣренные и умные преобразователи мало принимаютъ въ расчетъ скрытныхъ дѣятелей, вліяющихъ на нашу жизнь, каковы: общественное мнѣніе, печать, частная жизнь, примѣры высшихъ, хорошія или дурныя событія, о которыхъ всѣ говорятъ, самая прислуга, которая насъ окружаетъ и т. д. Эти вліянія не всегда уловимы, но всегда неотразимы.

Надежнѣе и лучше тотъ патріотизмъ, который развивается естественнымъ путемъ *вслѣдствіе массы благопріятныхъ* для него впечатлѣній, чѣмъ патріотизмъ внушенный искусственнымъ освѣщеніемъ событій или подборомъ фактовъ.

Цитируемый нами авторъ, профессоръ Бреаль, основываясь на всемъ имъ видѣнномъ въ Германіи, говоритъ, что наука сошла съ своихъ чистыхъ высотъ и вмѣшалась въ мутную политику, которая кишитъ всѣми страстями, раздѣляющими человѣческій родъ; идея солидарности всего человѣчества стерлась идеей исторической борьбы разныхъ пле-

менъ между собою. Въ этомъ новомъ явленіи въ Европѣ онъ обвиняетъ нѣмецкіе университеты.

Великій нѣмецкій поэтъ и мыслитель Гёте говорилъ, что племенная ненависть сильнѣе тамъ, гдѣ ниже человѣческая культура и что есть разумныя страны, въ которыхъ счастье или несчастье сосѣдняго народа чуствуется, какъ свое собственное. Что сказалъ бы онъ о настоящемъ нѣмецкомъ патріотизмѣ?....

А. З—нъ.

Извлечено изъ декабрьск. кн. духовнаго журнала «Странникъ» 1878 г.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 15 декабря, 1878 г.
Цензоръ, Архимандритъ *Арсеній*.

Печатано въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ», на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Шлякова № 108.

26 АВГ 1946

2007056228